

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Епископ Берглумский и его родичи

Вот мы и на севере Ютландии, севернее «Дикого болота». Тут уже слышится вой моря. Море, ведь, отсюда близёхонько, но его загораживает от нас песчаный холм. Холм этот давно у нас перед глазами, но мы всё ещё не доехали до него, медленно подвигаясь вперёд по глубокому песку. На холме возвышается большое, старинное здание; это бывший Бёрглумский монастырь; в самом большом флигеле его до сих пор — церковь. Мы доберёмся до вершины холма лишь поздно вечером, но погода стоит ясная, ночи светлые, так что можно ясно видеть на много-много миль кругом; с холма открывается вид на поля и болота вплоть до Ольборгского фиорда, на степи и луга, вплоть до тёмно-синего моря.

Ну вот мы и на холме, с грохотом катимся между гумном и овином и заворачиваем в ворота старого замка; вдоль стен его — ряды лип; тут они защищены от ветра и непогоды и разрослись так, что почти закрыли все окна.

Мы поднимаемся по каменной витой лестнице, проходим по длинным коридорам под бревенчатыми потолками. Как странно гудит здесь ветер: снаружи или внутри — не разберёшь. Жутко... А тут ещё эти

рассказы... Ну, да мало ли что рассказывают, мало ли что видят, когда боятся сами или хотят напугать других! Рассказывают, что давно умершие монахи скользят по коридорам в церковь, где идёт обедня; звуки молитв прорываются сквозь вой ветра. Наслушаешься таких рассказов, и душой овладевает странное настроение: начинаешь думать о старине и так задумаешься, что невольно перенесёшься в те времена.

О берег разбился корабль; слуги епископа уже на берегу; они не щадят тех, кого пощадило море; море смывает с берега красную кровь, струящуюся из проломленных черепов. Выброшенный морем груз становится добычей епископа, а его тут немало. Море выкатывает на берег бочки и бочонки с дорогим вином; всё идёт в погреба епископа, и без того битком набитые бочками с мёдом и пивом. Кухня его полным-полна битой дичью, колбасами и окороками; в прудах плавают жирные лещи и караси. Богат и могуществен епископ Бёрглумский! Много у него земли и поместий, но ему всё недовольно! Всё должно преклоняться перед Олуфом Глобом!

В Тю умер его богатый родич. «Родич родичу хуже врага» – справедливость этой пословицы пришлось испытать на себе вдове умершего. Муж её владел всеми землями в крае, кроме монастырских. Единственный сын находился в чужих краях, – он был отослан туда ещё мальчиком познакомиться с чужими нравами и обычаями, к чему так лежала его душа, но вот уже несколько лет о нём не было ни слуха, ни духа. Может быть, он давно лежит в могиле и никогда не вернётся больше на родину, хозяйничать там, где хозяйничает его мать.

«Что смыслит в хозяйстве баба?» сказал епископ и послал ей вызов на народный суд – тинг. Но что из того толку? Вдова никогда не преступала законов, и сила права на её стороне.

Епископ Олуф Бёрглумский, что замышляешь ты? Что пишешь на гладком пергаменте? Что запечатываешь восковой печатью и перевязываешь шнурком? Что за грамоту отсылаешь с рыцарем и оруженосцем далеко-далеко, в папскую столицу?

Начался листопад, завывали бури, пошли кораблекрушения, а вот и зима на дворе.

Два раза приходила она; в конце второй вернулись жданные

посланцы. Они вернулись из Рима с буллой от папы, предававшей проклятию вдову, оскорбительницу благочестивого епископа. «Пусть ляжет проклятие на неё и на всё, ей принадлежащее! Она отлучается от церкви и от людей! Да не протянет ей никто руки помощи, родные и друзья да бегут от неё, как от чумы и проказы!»

– «Не гнётся дерево, так его ломают!» – сказал епископ Бёрглумский.

Все отвернулись от вдовы; но она не отвернулась от Бога; Он стал её единственным Покровителем и Защитником.

Только одна служанка, старая дева, осталась ей верна, и госпожа сама ходила вместе с нею за плугом. И хлеб уродился, даром что земля была проклята папою и епископом.

«Ах, ты исчадие ада! Постой! Будет же по-моему!» говорит епископ. «Рукою папы я достану тебя и привлеку на суд!»

Тогда вдова впрягает в телегу двух последних волов, садится на неё вместе со служанкою и едет по степи прочь из датской земли, в чужую страну, где все и всё ей чуждо: и люди, и язык, и нравы, и обычаи. Далеко-далеко заехала она, туда, где тянутся высокие, зелёные горные склоны, растёт виноград. Купцы, едущие с товарами, боязливо озираются с своих нагруженных возов, опасаясь нападения разбойничьих рыцарских шаек. Две же бедные женщины на жалкой телеге, запряжённой двумя чёрными волами, едут по опасной дороге и по густым лесам совершенно спокойно. Они теперь во Франции. Тут встречается им богато одетый рыцарь в сопровождении двенадцати оруженосцев. Он останавливается и смотрит на странную повозку, затем спрашивает женщин откуда, куда, и зачем они едут. Младшая из них называет датский город Тю, рассказывает про своё горе и обиду. Но тут и конец её невзгодам! Так было угодно Богу! Чужестранный рыцарь – сын её! Он протягивает ей руки, обнимает её, и мать плачет от радости, а она не плакала вот уже много лет – только кусала себе губы до крови.

Начался листопад, завывали бури, пошли кораблекрушения; море катит в погреба епископа бочки с вином. На вертелах в кухне жарится дичь. Уютно, тепло в замке, а на дворе мороз так и кусает. И вот разносится весть: Иенс Глоб из Тю вернулся домой

вместе с матерью; Иенс Глоб вызывает епископа на суд Божий и людской!

«Много он возьмёт этим!» говорит епископ. «Оставь-ка лучше попечение, рыцарь Иенс Глоб!»

Опять начался листопад, снова завывали бури, пошли кораблекрушения; вот и зима на дворе. В воздухе порхают белые пчёлы и жалят в лицо пока не растают.

«Холодно сегодня!» говорят люди, побывав на дворе. Иенс Глоб стоит у огня, думает думу и прожигает на платье большую дыру.

«Ну, епископ Бёрглумский! Я таки осилю тебя! Закон не может достать тебя под плащом папы, но Иенс Глоб достанет!»

И он пишет своему зятю Олуфу Газе Саллингскому письмо, назначает ему в сочельник свидание в Видбергской церкви, у заутрени. Епископ сам будет служить её, для чего и отправляется из Бёрглума в Тю. Иенс Глоб знает это.

Луга и болота покрыты льдом и снегом; лёд и снег окрепли настолько, что могут сдержать лошадей со всадниками, целый поезд; то едет епископ с канониками и слугами. Они едут кратчайшею дорогою между хрупким тростником; печально шелестит в нём ветер.

Труби в свой медный рог, трубач в лисьей шубе! Звуки гулко разнесутся в морозном, ясном воздухе. Поезд подвигается вперёд по степям и болотам, где летом расстилаются луга Фаты-Морганы; направляется он к югу, к Видбергской церкви.

А ветер трубит в свой рог сильнее трубача; вот завывала буря, разыгралась непогода. Путь епископа лежит к Божьему дому. Дом Божий стоит крепко, как ни свирепствует вокруг него над полями, над болотами, над фиордом и морем страшная буря. Епископ Бёрглумский доехал до церкви вовремя, а вот Олуфу Газе вряд ли это удастся, хоть он и гонит лошадь изо всех сил. Он спешит на помощь Иенсу Глобу, вызвавшему епископа на суд Всевышнего. И вот, Олуф Газе подъезжает к фиорду... Скоро дом Божий станет судилищем, Престол – судейским столом; в тяжёлых медных подсвечниках затеплятся свечи; буря прочтёт жалобу и приговор. Отголоски их разнесутся по воздуху, над болотами, степью и бурным морем. Но через фиорд в такую погоду нет переправы!

Олуф Газе останавливается у Оттезунда, отпускает своих людей, дарит им лошадей и вооружение, даёт отпускные листы и велит свезти поклон своей супруге. Один хочет он довериться бушующим волнам, а слуги пусть засвидетельствуют, что не его вина, если Иенс Глоб останется в Видбергской церкви без подкрепления. Но верные слуги не хотят отстать от своего господина и бросаются вслед за ним в глубокие волны. Десятеро из них тонут, но сам Олуф Газе и ещё двое отроков выплывают на противоположный берег. Им остаётся ещё четыре мили пути.

За полночь; канун Рождества. Ветер улёгся; церковь освещена. Яркий свет льётся сквозь окна на луга и степь. Заутреня давно отошла; в Божьем доме тишина; слышно, как каплет воск со свечей на каменный пол. Является Олуф Газе.

В притворе встречает его Иенс Глоб: – Здравствуй! Я помирился с епископом!

– Вот как! – отвечает Олуф. – Так ни ты, ни епископ не выйдете живыми из церкви!

И меч Олуфа Газе сверкает из ножен, вонзается и расщепляет дверь, которую успел захлопнуть между собой и зятем Иенс Глоб.

– Повремени, дорогой зять! Погляди сперва, каково примирение! Я убил епископа со всеми его людьми! Не придётся им больше распространяться об этой истории, да и я не стану больше говорить о той обиде, что понесла моя мать!

Фитили восковых свечей горят красными языками; ещё краснее свет разливается по полу. Тут плавает в крови епископ с раздробленным черепом; убиты и все его спутники. Тихо, безмолвно в Видбергской церкви в ночь под Рождество.

На третий день праздника в Бёрглумском монастыре зазвонили в колокола. Убитый епископ и его слуги выставлены напоказ в церкви; тела покоятся под балдахином, кругом стоят обвёрнутые крепом подсвечники. В парчовой ризе, с посохом в безжизненной руке, лежит епископ, некогда могущественный повелитель края. Курится ладан, монахи поют. В пении их звучит жалоба, злоба и осуждение. Ветер подтягивает им и разносит эти звуки по всей стране. Ветер утихает, успокаивается на время, но не навеки. Время от времени он просыпается и опять принимается за свои песни. Он распевает их и в наше время, поёт здесь, на севере

Ютландии, о епископе Бёрглумском и его родиче. Песни его слышатся тёмною ночью; испуганно внемлет им крестьянин, проезжающий по тяжёлой песчаной дороге мимо Бёрглумского монастыря; внемлет им и бессонный обитатель толстостенных покоев Бёрглума. Вот почему так странно и шелестит по длинным, гулким коридорам, ведущим к церкви. Вход в неё давно заложен, закрыт, но не для суеверных очей. Им мерещатся открытые двери: ярко горят свечи в паникадилах, курится ладан, церковь блещет прежним великолепием, монахи отпевают умершего епископа, что лежит в парчовой ризе, с посохом в бессильной руке. На бледном, гордом челе зияет кровавая рана; она горит, как огонь; таким огнём выжигаются дурные страсти детей света. Прочь! Скройтесь в землю, покройте мраком забвения ужасные воспоминания старины!

□Прислушайся к порывам ветра; они заглушают шум катящихся волн морских. Разыгралась буря; многим людям будет она стоять жизни! Нрав моря не изменился с годами. В эту ночь оно является всепоглощающею пастью, утром же, может быть, опять станет ясным оком, в котором можно видеть себя, как в зеркале. Так же бывало и в старину, которую мы только что схоронили. Спи же спокойно, если можешь!

Вот и утро.

Новые времена светят в нашу комнату вместе с лучами солнца. Ветер всё ещё бушует. Приносят весть о кораблекрушении, – то же бывало и в старину.

Ночью, у Лёкке, маленькой рыбацкой слободки, застроенной домиками с красными черепичными крышами – её видно отсюда из окон – разбился корабль. Он сел на мель далеко от берега, но спасительная ракета перебросила мост между тонущим судном и твёрдую землю. Все спаслись, вышли на берег и нашли себе приют и ночлег у рыбаков. Сегодня же их перевели в Бёрглумский монастырь. В уютных покоях их встречает радушный приём и привет на родном языке. С клавиш льются звуки родных мелодий, и не успеют ещё они замереть, как зазвучит иная струна, безмолвная и в то же время полная звуков: вестник мысли сообщит семьям потерпевших крушение в чужой земле о их

спасении. Родные успокоены; с души спасённых сваливается бремя, и в замке Бёрглум поднимается пляс и веселье. Протанцуем же старинный вальс, споём песни о Дании и о «храбром ополченце» нового времени!

Благословенно будь ты, новое время! Вступай в страну, как новое лето! Свети своими лучами в сердца людей! Быстро промелькнут на твоём светлом фоне воспоминания о старых, суровых, жестоких временах!

✖ ✖ ✖ ✖ ✖

✖ Загрузка...